

УДК 17.177

О ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРАКТИКАХ МОБИЛЬНОСТИ

А.Ю. Харченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В статье раскрываются особенности постнеклассических практик, среди которых практика мобильности. Мобильность множественным образом влияет на идентичность, её динамику. Сетевая идентичность является иллюстрацией трансформации реальной идентичности.

Ключевые слова: *постнеклассические практики, мобильность, сетевая идентичность.*

Методология неклассической и постнеклассической рациональности расширяют философское представление о практике, в том числе о социальной практике мобильности. Традиционное представление о практике связывается с категорией деятельности, понимаемой в узком смысле как физическая деятельность, а в широком – как материальная и духовно-интеллектуальная деятельность. В истолковании П. Бурдьё, практика соизмеряется с социальным действием и коммуникацией. В его концепции, будучи объяснительным ключевым понятием, «габитус» выступает в качестве принципа порождения и организации практик [3, с. 17]. В содержательный аспект «габитуса» включаются: «...не просто предпочтения, неявные правила поведения, это, скорее, ожидания от собственного или чужого поведения, принимающий относительно явную форму лишь в случае разочарования в этих естественно-понятных, и поэтому не проблематизируемых ожиданиях» [1, с. 67.]. Исходя из функции габитуса по обеспечению преемственности практик, континуальности общества и коммуникации, связи «вре́мён» и современности, а также исходя из его рациональности и роли в актуализации, «осовременивания» прошлых ценностей, П. Бурдьё идентифицирует таковой как «продукт истории, продукт индивидуальных и коллективных практик...» [16, р. 278].

Содержательными особенностями постнеклассической практики является её описание и объяснение в терминах постнеклассической рациональности [11; 12], а также доминирование рефлексивности над деятельностью. Такое различие восходит к работе Э. Гидденса «Последствия современности», где акцентируется внимание на рефлексивной составляющей современных практик. Он пишет: «...социальные практики постоянно исследуются и реформируются в свете вновь поступающей информации об этих же практиках, меняясь в результате этого в самых своих основах. Нам следует чётко представлять себе природу этого явления. Все формы социальной жизни отчасти создаются знанием о них агентов. Знание того, “как продолжить” в смысле Витгенштейна, является существенной частью соглашений, используемых и воспроизводимых человеческой деятельностью. Во всех культурах социальные практики ежедневно меняются в свете непрерывно подпитывающих их открытий. Но только в эпоху современности пересмотр соглашений становится достаточно радикальным для того, чтобы охватить (в принципе) все аспекты человеческой жизни, включая техно-

логическое вмешательство в состояние материального мира. Часто говорят, что для современности характерен вкус к новизне, но, возможно, эта характеристика не совсем точна. Важной чертой современности является не принятие нового просто в силу его новизны, а презумпция всеобщей рефлексивности, включающая, разумеется, и рефлексии о природе самой рефлексии» [5, с. 156].

На расширение поля рефлексии над деятельностью указывают философы и методологи науки. Так, В.Е. Лепский переход от классики к неклассике и постнеклассике соизмеряет с восхождением на очередной этаж рефлексии. «Декодирование» постнеклассических принципов и практик происходит через принципы организации взаимодействия субъектов с саморазвивающейся рефлексивно-активной средой [10, с. 100–113]. О человекоцентрированности и возрастающей роли активности и рефлексивности как факторе управления в современных практиках пишет В.В. Кизима, фокусируя внимание на «...саморазвертывающиеся целостные многопричинные (и междисциплинарные) комплексы взаимодействующих людей и сред, в ходе саморазвития которых меняются и люди, и среды, и их отношения, что и создает возможность огромного разнообразия данных практик, их циклов и вариантов их существования и обостряет проблему управления ими» [9, с. 55]. Им также акцентируется то обстоятельство, что в «постнеклассических практиках нет безответных действий, поскольку каждая часть влияет на себя через целое и в этой относительности субъект-объектных функций состоит рефлексивность целого и сохранение его постнеклассической идентичности» [9, с. 55].

Очевидно, что мы живём в эпоху практики «мобильности». Мобильность – многогранный и многомерный феномен. В широком смысле мобильность – способ движения всякой физической предметности. Для биопсихосоциальных существ мобильность – это способность к движению (самоизменению, саморазвитию), в том числе когнитивных способностей к выбору новых средств движения (превращения, перемещения). В социологическом познании известный социальный теоретик Дж. Урри дифференцирует следующие четыре мобильности. Мобильность как способность двигаться, как беспорядочность, как социальная мобильность, в значении миграции или других видов полустационарного географического перемещения [13, с. 74–75].

В монографии «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия» Дж. Урри показывает, по каким основаниям социальное можно различать как мобильное. Среди таких оснований – «способность» мобильности подрывать социетальные границы, делая их проницаемыми, прозрачными. Социо-пространственные практики мобильности предстают как сложные мобильные гибриды людей, машин и технологий. Этот «микс» поражает все коммуникации, трансформирует отношения между людьми, их традиционные способы переживания и самочувствования. Особенность социально-мобильного бытия, отмечает Дж. Урри, заключается в способности порождать мгновенное время, замкнутое на самого себя и преобразующееся в различные мобильности. Мгновенность времени в свою очередь изменяет представление о жизни сообществ в различных проекциях, в том числе в отношении точек «оседлости», их «жилища» и проживания. В социально-политическом измерении мобильности трансформируют социетальную модель гражданств,

где новые практики, риски, права и обязанности, как пишет Урри, «выходят за пределы национальных границ» [14, с. 15].

3. Бауман раскрыл деструктивные последствия высокой социальной мобильности, среди которых поляризация человечества, освобождение от ответственности и обязательств властной элиты, углубляющаяся и расширяющаяся пропасть между элитой и остальными людьми и т. п. Он показал, что возросшая неопределённость и динамизм в современную эпоху оказали влияние на поведение жителей виртуального и сетевого мира, представителей кибернетической элиты: «готовность к жизни среди хаоса», способность «процветать в условиях неустроенности», умение «позиционировать себя в переплетении возможностей, а не оставаться парализованным одной пожизненной специальностью», «согласие разрушить созданное своими руками», «отпустить, если не отдать» [2, с. 49–50].

Все вышеназванные проблемы и причины «тотальности» мобильности позволяют сделать вывод о том, что мобильность порождает, форсирует «подвижность», «текучесть» пространственно-временных модальностей социального бытия. Для мобильности как атрибуции современного социального бытия вводится метафора «текучесть» (З. Бауман). Под метафорой понимается процесс замещения (подмены) одной фигуры другой, а также понимание и восприятие одного «типажа» вещи в терминах другой. Метафора «текучесть» заменяет метафоры «движение» и «течение», которые использовал классик социологической мысли Э. Дюркгейм. Метафоры, приложимые к социальным реалиям, в философском и социогуманитарном дискурсах меняются в связи с изменением представлений об обществе. Так, современные представления об обществе «коррелируют» с толкованием границ, мобильностей, управления. Пространственно-временные, территориальные представления социума, общества, общественной жизни рассматриваются через такие метафоры как сети/паутины, потоки/течения, сети/потоки [14, с. 13].

Технологическое ускорение современной жизни – составляющая метафоры «мобильность». Сегодня технологическое ускорение затрагивает все фундаментальные проблемы бытия человека, ощущения его безопасности, самоидентичности. Большинство социальных феноменов с коннотациями «фундаментальное», «укоренённое», «стабильное», «внутреннее», «защищённое», «личное» редуцируются к бытию с такими значениями, как «неопределённость», «прозрачность», «проницаемость», «раздробленное», «фрагментарное», «мгновенное», «модульное». На примере метафоры «мобильность», которая презентует наличное социальное бытие, Дж. Урри убедительно показывает, как положительные коннотации социальных феноменов, в том числе идентичности, утрачиваются.

Для описания эпохи мобильности используется такая метафора в современной социальной мысли как номад (кочевник). О ней размышляют З. Бауман, Ж. Делез, Ф. Гваттари и др. [15; 17]. Согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари, номады презентуют так называемые общества детерриториализации. Детерриториализация видится не в проекции «точки отсчета», а как линия ускользания. Номад по этому основанию различается с мигрантом.

Мобильность множественным образом влияет на идентичность и её динамику. Трансформация идентичности происходит с возрастанием потенциальности различных Я-структур. В эпоху мобильности не остаётся возможностей для сохранения идентичностей, приходит к выводу Дж. Урри. Метафори-

руя социальный мир как «мир смесей» он пишет: «в сетевом мире или текущем пространстве невозможны определённые идентичности, поскольку текущий мир – это мир смесей» [14, с. 64]. В практике множества виртуальных сообществ идентичности становятся мобильными. Пользователи могут свободно их выбирать и менять, превращаясь в «цифровых кочевников». Используя множественные идентичности, возникает возможность устанавливать случайные, мимолётные отношения в пределах мобильных сообществ.

Будучи «узлом» глобализации, мобильность усиливает и ускоряет одно из главных противоречий глобализации, а именно, противоречие между сетью и идентичностью (self), сетью и «Я». Об этом пишет в своей книге «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура» крупнейший социолог современности М. Кастельс [8]. Под идентичностью им понимается процесс, в котором социальный актор распознает себя и конструирует свое сознание исключительно на основе данного культурного атрибута или сети атрибутов, чтобы обрести более широкую отнесенность к остальным социальным структурам. Корни идентичности при формирующемся виртуальном сообществе лежат в истории и географии, в религии и национальных основах. М. Кастельс полагает, что виртуальный мир фундирован во фрагментарности сознания, и поэтому: «...в исторический период, характеризующий широко распространённым деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов» [8, с. 27]. Подтверждают вывод социолога отечественные психологические исследования, где даются подтверждения того, что сетевая идентичность коррелирует с лёгкостью самоизменения, вплоть до своей «антитезы» или альтернативной идентичности [4].

М. Кастельс в книге «Власть коммуникации», применяя сетевой подход к сопряжению сознания и коммуникативной реальности, показывает, как восходит к «сложности» сознание в мобильной коммуникативной практике. Он пишет: «Сознание, возможно, возникло вследствие необходимости интегрировать увеличивающееся число ментальных образов, получающихся в процессе восприятия, с образами, уже хранящимися в памяти человека. Усиление интеграционной мощи мыслительных процессов увеличивает возможности разума для решения проблем организма в целом. Эта возрастающая способность к рекомбинации мыслительных образов тесно связана с тем, что мы называем креативностью и инновативностью. Но осознающий разум нуждается в организационном принципе, направляющем эту деятельность высокого уровня сложности. *Этот организационный принцип и есть он сам*» [7, с. 165]. В призме темы сетевой власти М. Кастельс даёт представление о том, как интеллект может успешно использовать техники каскадной активации, фрейминга, прайминга и другие методы воздействия на человека, быстро меняя его идентичность.

В «духе» постнеклассической научной рациональности сошлёмся на толкование мобильности как модальности социального бытия в социально-психологическом дискурсе. Здесь под мобильностью понимается «корзина» субъектно-личностных качеств и релевантные им поведенческие паттерны. Мобильность предстаёт как интеграл высокой вариативности поведения, коммуникативных способностей и навыков, доверия, толерантности. Проводимые социально-психологические исследования молодежи удостоверяют факт выбора в иерархии ценностей – мобильности» [6, с. 173–177].

Список литературы

1. Антоновский А.Ю. Пространство и время коммуникации и сознания: Бурдьё vs Луман // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И.Т. Касавин, В.Н. Порус. М.: ИФРАН, 2009. С. 64–93.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 326 с.
3. Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современные социальные теории: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во НовГУ, 1995. 119 с.
4. Войскуновский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
5. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 354 с.
6. Евстифеева Е.А., Майкова Э.Ю., Подолько Е.О., Филиппченкова С.И. Личностный потенциал: постмодернистская модель образования // Философия образования. 2012. № 6 (45). С. 173–177.
7. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 592 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2000. 608 с.
9. Кизима В.В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 54–65.
10. Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с.
11. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. С.249–295.
12. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
13. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
14. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
15. Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993. 262 p.
16. Bourdieu P. Le Sense Patique. Paris: Les Edisions de Minuit, 1990. 333 p.
17. Deleuze G., Guattari F. Nomadology. N.Y.: Semiotex, 1986. P. 49–53.

ON THE IDENTITY TRANSFORMTION IN MOBILITY PRACTICES

A.Yu. Harchenko

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the specific characteristics of post-non-classical practices and, in particular, mobility practice. Mobility influences identity in a multiple way revealing, her dynamics. Network identity may be considered an illustration of transformation of real identity.

Keywords: *post-non-classical practices, mobility, network identity.*

Об авторе:

ХАРЧЕНКО Андрей Юрьевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Author information:

HARCHENKO Andrey Yuryevich – Ph.D. student of Psychology and Philosophy Dept., Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru